

УДК 167.1; 811.511.12

О. Н. Иванищева

Картина мира коренного малочисленного народа Севера: специфика онтологического подхода

Статья посвящена вопросу онтологии языка коренного малочисленного народа, обсуждается вопрос специфики научной и языковой картины мира исчезающего языка, показано, что онтологический подход позволяет выявить особенность видения мира этноса, отраженного в языке, и, как следствие, определяет антропоцентрическую сущность этого языка.

Ключевые слова: онтологический подход, языковой антропоцентризм, саамский язык.

O. N. Ivanishcheva. Specific world-view in the Endangered Language of a Northern Ethnic Group: Specific Characteristics of the Ontological Approaches

This article is dedicated to the ontological approach of the endangered language of a Northern ethnic group, the Saami people. The article argues that the ontological approach, which reveals the ethnic group's specific world-view as reflected in its language, is determinative, as a consequence, the anthropological nature of this language.

Keywords: ontological approach, language anthropocentricity, Saami language.

Онтология языка понимается нами как бытие языка, принципы и сущность этого бытия. Для целей нашего исследования актуальным является понимание онтологии языка как видение мира (см., например: [15, с. 56—58]).

Видение мира часто связывается с понятиями «концептосфера» и «картина мира».

По Д. С. Лихачеву, концептосфера — это совокупность потенциалов, которые открываются в словарном запасе отдельного человека

и языка в целом. Концептосфера — это концентрат культуры, ее заместитель. Концептосфера языка постоянно обогащается, если есть развитая литературная традиция народа и его культурный опыт. Сокращение концептосферы происходит, когда пропадает/утрачивается культурная память [9].

Соотношение понятий «языковая картина мира» и «концептосфера» видится нам следующим образом: понятие «концептосфера» более антропоцентрично, чем понятие «языковая картина мира». В понятии «концептосфера» актуализируется роль человека, тогда как в языковой картине мира — роль языка в осознании человеком мира. Концептосфера — это то, как воспринимается слово, а языковая картина мира — то, как членится мир благодаря словам. Понятия «языковая картина мира» и «концептосфера» взаимосвязаны: при анализе языковой картины мира мы исходим из языковой единицы, а в представлении концептосферы — из смысла/значения.

Языковая картина мира, как известно, часто сопоставляется с научной картиной. Сопоставляя языковую картину мира с научной, можно выявить основные свойства обеих. Научная картина мира постоянно изменяется, бесконечно стремится к пределу познаваемости, к полноте. Языковая картина мира, напротив, в целом стабильна, ее цель — передавать из поколения в поколение упрощенное структурирование окружающего мира. Именно в этом и заключается познавательная роль языка. Овладевая им, ребенок овладевает донаучным представлением о мире. Этим знанием каждый носитель данного языка обладает на подсознательном уровне. Изучение научных представлений не оказывает на него воздействия. Так, несмотря на то, что мы понимаем всю абсурдность с биологической точки зрения выражения «волосы дыбом встали», мы все-таки его употребляем. Таким образом, по отношению к языковой картине мира можно говорить о двух противоположных свойствах: ее консервативности, с одной стороны, и о ее изменчивости, косвенно связанной с изменением научной картины мира и появлением новых реалий в языке — с другой [7, с. 12—21]. Научная картина мира в общем и целом не зависит от особенностей языка того или иного народа, его менталитета, традиций. Однако нельзя отрицать и влияния языковых картин мира на научную картину мира, так как наука также пользуется каким-либо языком. Так, ученый, говоря о вкусовых ощущениях, на-

ряду с такими словами, как sauer, bitter, süß, непосредственно описывающими вкусовые качества, употребляет слово salzig, изначально характеризующее не вкус, а содержание определенного вещества, в данном случае соли (пример Л. Вайсгербера [18, с. 262—263]). Но не только национальная языковая картина мира влияет на научную, существует и другая тенденция: научная картина мира оказывает воздействие на языковую. Так, многие научные понятия, напр. «трехмерное пространство», «временная ось» и др., мы часто употребляем в нашей речи (подробнее см.: [14, с. 10]). В связи с этим встает ряд теоретических вопросов: во-первых, что отражает вербализированная система понятий — *знания* коллективного носителя языка или *информацию* о мире; во-вторых, как складывается коллективное знание: это отражение неких смыслов (которые можно назвать *концептосферой* и которые синтезируются в смысловом пространстве при общении) или готовые «штампы», которые возникают в памяти человека, заданные готовой языковой системой, отражающие уже сложившиеся в результате тысячелетий развитые грамматические и лексические структуры (то, что можно назвать *языковой картиной мира*); в-третьих, как компенсируются *лакуны* в понятийной системе, если принять точку зрения, что все концепты есть в каждой картине мира, у каждого народа, но слов для обозначения понятий нет.

Обсуждение данных вопросов может привести нас к мысли, давно высказанной философами и культурологами, но с трудом осознаваемой лингвистами: идея восприятия реальности через язык видится наивной, представления о языковой картине мира, а тем более лингвистические методы и приемы ее изучения, далеки от совершенства.

Традиционный взгляд на первичные, организующие в структуре мира отношения таков: все «прилегает» к человеку, простирается от человека — центра субъективного пространства, человека как организма и человека как социального существа, который образует личное и общественное пространство вокруг себя [5, с. 38].

В нашем исследовании мы опираемся на идею, высказанную Н. Ю. Шведовой, что если взглянуть на лексический состав языка с точки зрения отражения в нем путей человеческого познания, то можно утверждать, что весь его состав членится на части, каждая из которых отражает одну из ступеней такого познания [12, с. VI].

Кроме того, нам представляется важным определение человека как человека действующего (*Homo agens*) [4, с. 5].

В настоящей статье представлена специфика одного из языков кольских саамов. Саамский язык принадлежит финно-угорской ветви уральской семьи языков и разделяется на западную и восточную группы диалектов. На основании фонетических и морфологических различий между группами саамов саамские диалекты (в иной терминологии — языки) делятся на следующие группы: *западные диалекты* (южно-саамские диалекты в Швеции и Норвегии; диалекты уме в Швеции; диалекты пиите в Швеции и Норвегии; диалекты луле в Швеции и Норвегии; северно-саамские диалекты в Швеции и Норвегии); и *восточные диалекты* (инарский диалект в Финляндии; колттский диалект в Финляндии, Норвегии и России; бабинский диалект в России, кильдинский диалект в России, йоканьгский диалект в России) (см., например: [17]).

Специфика ситуации такого коренного народа Севера, как саамы, состоит в том, что саамский народ исторически разделен и проживает в 4 странах: России, Финляндии, Норвегии и Швеции. Саамы России (кольские саамы) в основном проживают на территории Кольского полуострова, где находится административное образование Мурманская область. Их численность составляет 1771 человек.

Анализ социолингвистической ситуации Мурманской области показывает, что в условиях многовекового русскоязычного окружения кильдинский саамский язык утратил свои позиции. Исторические, демографические, социальные и институциональные факторы способствовали этому положению. Политика государства и работа, которая ведется общественными организациями, в настоящее время не приводит к увеличению численности населения, владеющего кильдинским саамским языком. Бытовые функции, выполняемые языком, отсутствие мотивации к изучению кильдинского саамского языка у молодежи Мурманской области по сравнению с интересом этой же молодежи к изучению языка норвежских саамов (северосаамского), старение носителей кильдинского саамского языка способствуют ухудшению его положения. Кильдинский саамский язык в настоящее время уже относится к категории *critically endangered*.

По нашему мнению, специфика онтологического подхода к исследованию лексической системы исчезающего языка состоит в уче-

те именно специфики видения мира северного этноса. Эта специфика связана со своеобразным типом хозяйства саамов, в том числе с сезонными кочевками, зависящими от природных и климатических условий Европейского Севера. Главными занятиями саамов всегда были оленеводство и рыболовство. А цикл кочевания зависел от местного ландшафта, времени года и от биологических особенностей поведения объектов хозяйствования (олений, рыбы, промысловых животных и птиц).

Специфика онтологического подхода к исследованию лексической системы кильдинского саамского языка состоит также в признании антропоцентричности этой лексической системы. Антропоцентрический принцип анализа языкового материала означает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка, в первую очередь тех, которые объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности и коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения [11, с. 9—11]. Антропоцентричность языка коренного народа Севера основана в нашей работе на установлении того факта, что выделение смысла и оформление его в отдельное слово в кильдинском саамском языке непосредственно связано с важностью объекта, признака или действия для практической деятельности человека.

Онтологический подход, в рамках которого осуществляется наше исследование, предполагает еще и сравнение культур, в рамках которых происходит описание кильдинского саамского языка. В данном случае это оленеводческие культуры следующих народов: долганов, коми, коряков, ненцев, тофаларов, ханты, манси, эвенков, эвенов, юкагиров и чукчей. Поэтому одной из задач исследования было сопоставление семантического поля в этих языках с учетом имеющихся лексикографических источников. Сравнительный анализ показал, что названий оленя по масти в кильдинском саамском языке меньше, чем в других языках народов, занимающихся оленеводством. В чукотском языке: *ælvææk* (прил.) — олень серого или коричневого цвета, одна задняя нога в белом «чулке» [2, с. 24]; *jaqʷlɣɲ* (сущ.) — белый олень, имеющий черную спину [2, с. 59]; *jiqʷlɣɲ* (сущ.) — олень-беляк (беловатый с коричневой полосой на спине) [2, с. 64]. Ср. с юкагирским языком: иранал (сущ.) — олень

светло-коричневой масти [8, с. 98]; йарахадъаа (сущ.) — олень серой масти с беловатой шерстью по бокам [8, с. 15]; йоБун подьарха — олень с пестрым носом (нос имеет разный цвет) [8, с. 122]; йенгурчиэ (сущ.) — пестряк (название оленя по масти) [8, с. 146]; чаБинньаавийаа — олень, имеющий белизны на камусе задней ноги около сустава [8, с. 301]; ньамучаа (сущ.) — олень красноватой масти (олень красной масти немного краснее оленя серой (песочной) масти) [8, с. 306]). Обширный языковой материал по хантыйскому языку представлен в [10], где даны названия оленей светлой, пестрой и темной масти [10, с. 71].

В данных примерах из языков этносов, занимающихся оленеводством, видно, что степень антропоцентричности в группе названий оленя минимальна: внешние признаки животного отражаются в лексико-семантической системе, а значит, в языковой картине мира. Ограничений в лексико-семантической системе, связанных с особенностями человеческой деятельности, а именно промыслами и хозяйственной деятельностью этноса, в разделе «Масть животного» не наблюдается. Думается, что выделение оттенка цвета на теле животного или его части связаны лишь с необходимостью выделения животного в стаде (функция, которую у саамов выполняют клейма).

Деление по половому признаку (самец—самка) также относится к группе, отмеченной наименьшей степенью антропоцентричности: *оаресь пуаз* — самец оленя; *ниңулэсс пуаз* — самка оленя. Как видно из примеров, для выражения различия пола использовано словосочетание (букв. самец-олень, самка-олень).

Все остальные разделы в семантическом поле «Северный олень» антропоцентричны: выделение смысла и оформление в отдельное слово непосредственно связано с важностью объекта, признака или действия для практической деятельности человека. Так, детализация названий оленя по возрасту показывает их тесную связь с промысловой деятельностью и всем укладом жизни кольских саамов. По данным Г. М. Керта, при наличии общего понятия *пуаз* «олень» в кильдинском диалекте саамского языка существует множество специальных терминов: *коаннѳт* — «дикий олень» или «оставленный без присмотра», *вўссь* — просто «тенок оленя», *лухпель* — «годовалый тенок оленя», *чирмах* — «оленок возраста с осени до весны следующего года», *лонтак* — «двухлетний олень-самец»,

вубресь — «трехлетний олень-самец», *шелмахт* — «четырёхлетний олень-самец», *пыэрсемшалмахт* — «олень-самец на пятом году», *еррьк* — «кастрированный олень от шести лет и старше», *контасс* — «олень-самец четырех лет», *аллт* — «полновозрастная важенка (самка оленя), способная приносить потомство», *ваджь* — «важенка трех-шести лет, отелившаяся один раз», *вуннял* — «вонделка, важенка трех лет» и др. [6, с. 268].

Сравнение научной и языковой картины мира кильдинского саамского языка позволяет сделать выводы о специфике «бытия» данного языка. Так, в отличие от научных орографических терминов, где дифференциальными признаками являются 'высота' и 'форма', в кильдинском саамском языке признаки реалии земного ландшафта представлены более детализировано: 'высота', 'форма', 'наличие растительности'. Анализ материала лексикографических и этнографических источников показал, что актуальным для орографической лексики в кильдинском саамском языке является признак высоты (размер) 'большой—небольшой' и признак 'с растительностью/без растительности'. Выделение дифференциальных семантических признаков 'высота' и 'наличие растительности' связано с необходимостью обозначения значимых географических реалий для выпаса оленей и охотничьего промысла. Ср., например, классификацию ягельников как мест произрастания основного корма оленей: «боровые» (горные, лесные) на сухих местах; «моховые» (низинные на безлесных местах); на кейвах (на высоких безлесных плато Восточной Лапландии) [1, с. 190б].

Примечательно наличие у некоторых лексем орографической лексики в кильдинском саамском языке переносного (второго) значения. В анализируемом материале лексикографических и этнографических источников, а также данных полевых исследований представлены метафорические термины, характерные для многих языков: *нюн*, *нюнь* (букв. 'нос') 'горный отрог, выступ, «нос»' [3, с. 126] *нюннь* '1. нос, клюв; 2. голая вершина горы' [КА]; *вуэдт* 'основание горы' [13, с. 59; 16, с. 776] и 'подошва (например, горы) или дно (например, водоёма) [PP]; 'подошва, основание чего-либо' [КА]. Лексема *ʷйэйv^(e)* — 'вершина' (в топонимах: гора с круглой вершиной) [16, с. 767] — объясняется носителями как 'голова', 'старейшина' [КА]. Такие факты — показатели антропоцентризма пространственной

концептуализации пространства, когда происходит своеобразное «очеловечивание» пространства через его связь с частями человеческого тела (подножье горы, горный хребет). Пространственная ориентация верх—вниз в кильдинском саамском языке также представлена в наивном толковании орографического термина. Так, лексема *víltm* ('маленький остров-скала; ровный утес (обычно немного над водой); подводная скала, скалистый островок' [16, с. 775]) объясняется носителями как обозначение «внизу», то есть основание горы [PP].

Проведенный анализ тематической группы орографической лексики кильдинского саамского языка свидетельствует об утилитарном подходе к природному окружению, раскрывает ресурсные особенности и качество среды обитания северного этноса. Состав группы орографической лексики в кильдинском саамском языке показывает сформированный обобщенный образ природного окружения и его дифференциацию, построенную на противопоставлении объектов (гора — лес), разделении части и целого (например, гора — склон), установлении отношений подобия между объектом живой и неживой природы (метафоризация: подошва, голова и т. д.).

Анализ материала свидетельствует о его антропоцентричности. Доказательством этому является, во-первых, тот факт, что количество терминов, обозначающих отрицательные формы рельефа, намного больше, чем положительные. Отчасти это связано с характером рельефа Кольского полуострова, отчасти с востребованностью элементов ландшафта в хозяйственной деятельности этноса. Во-вторых, выделение дифференциальных семантических признаков ('высота', 'форма', 'наличие растительности') связано с необходимостью обозначения значимых географических реалий для выпаса оленей и охотничьего промысла. Антропоцентричность кильдинско-саамского языкового материала представлена также в выделении особых признаков географических реалий: 'высота' (большой/небольшой; выше чем/ниже чем) и 'растительность' (с растительностью/без растительности), а также в наличии метафорических терминов, характерных для кильдинского саамского языка.

Роль лингвистического опыта в развитии мышления, сознания и деятельности человека очевидна. Фундаментальными вопросами философии языка являются в том числе и вопросы о том, как интер-

претация языка влияет на видение мира и определяет это видение. При решении этих вопросов исследование специфики онтологического подхода имеет первостепенное значение.

Наше исследование показало, что онтологический подход, позволяющий выявить особенность видения мира этноса, отраженно-го в языке, определяет антропоцентрическую сущность этого языка. При изучении языка с точки зрения специфики отражения и интерпретации видения мира важно определиться с приемами и средствами, а также с целями и исходными презумпциями о природе изучаемого объекта.

Сокращения:

КА — Кобелев Александр Андреевич (1968 г. р.); РР — Рахманина Роза Михайловна (1966 г. р.); НВ — научно-вспомогательный фонд; МОМ — Мурманский областной музей.

* * *

1. Алымов В. К. Об учете и классификации ягельных пространств и оленьих пастбищ вообще // МОМ НВ 4302/2.

2. Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь: приложением краткого очерка грамматики. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 216 с.

3. Географический словарь Кольского полуострова. Т. 2. Природные богатства / под ред. Н. С. Железнякова. Мурманск : Мурманский филиал географо-экономического научно-исследовательского института Ленинградского государственного университета, 1941. 240 с.

4. Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.

5. Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.

6. Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.

7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 341 с.

8. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.

9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280—287.

10. Онина С. В. Лексико-семантические группы названий оленя // Урало-алтайские исследования. 2010. № 1(2). С. 67—78.

11. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.

12. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека). М.: РАН, 2011. 1032 с.

13. Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р. Д. Куруч. М.: Русский язык, 1985. 568 с.

14. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994. 344 с.

15. Humboldt von W. 'On Language' on the Diversity of Human Language Construction and Its Influence on the Mental Development of the Human. Cambridge University Press, 2005.

16. Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I. Lexica Societatis Fennougricae XV. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. 803 s.

17. The Saami. A cultural Encyclopaedia / Kulonen U.-M., Seurujärvi-Kari I., Pulkkinen R. (eds.). Helsinki: The Finnish Literary Society. SKS Kirjat, 2005.

18. Weisgerber L. Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1957. 308 p.